

Цзя Чжипо слегка скривил губы в усмешке, и в его глазах промелькнул сарказм:

— Предки из клана Жунго еще с восемнадцатого года правления Шундэ по высочайшему повелению выступали в походы. Двадцать три года они не щадили своих жизней, выкладываясь без остатка ради Великого Чжэня. Если генерал падает на поле боя — это значит, что он обрел то, к чему стремился. Во всяком случае, это лучше, чем некоторые, кто на поле боя нарушил воинский указ, был спасен нашим предком, а потом повернул всё так и отплатил за добро неблагодарностью. Такой презренный негодяй, даже если выживет, останется всего лишь ничтожеством. Ван, как вы считаете?

Удельный князь Ипин от слов Цзя Чжиго едва не задохлся от ярости, его скулы побелели от напряжения. Однако, бросив взгляд исподлобья, он заметил, что лица нескольких чинов военного сословия, служивших в Цзунжэньфу, выглядят странно, и в тот же миг его разум прояснился.

Цзя Дайшань скончался почти двадцать лет назад, но одно это имя по-прежнему заставляло каждого военного в Великом Чжэне выпрямляться с благоговейным трепетом. Он и вправду потерял бдительность.

К тому же нынешняя династия извлекла уроки из ошибок прежней Чжоу, которая презирала военных и потворствовала членам императорской фамилии, поэтому за родственниками императора здесь следили строже, чем при любой другой династии. Пока ты был принцем — это еще куда ни шло, но стоило стать представителем боковой ветви рода, как прожигание жизни в ожидании смерти оставалось единственным возможным путем.

Сам удельный князь Ипин был тому живым примером. В ту пору, при правлении Цзиннин, он, будучи шестым принцем, водил войска в бой в нескольких кампаниях. Что до боевых заслуг и способностей, то среди военачальников времен Императора Шэнцзу он, за исключением Цзя Дайшаня и бэньского князя Чэна, искренне считал, что никому не уступает.

Чем больше удельный князь Ипин думал об этом, тем сильнее ощущал глухую обиду. Правление Юньань только-только началось, а у него без лишних разговоров отобрали военные полномочия и прямоком упекли в Цзунжэньфу. Если бы он в свое время не надрывался ради Императора Лончжэна, еще большой вопрос, смог бы он вообще занять это кресло Великого блюстителя рода.

Если дело и вправду дойдет до разбирательства перед лицом императора, еще неизвестно, кто выйдет победителем.

При этой мысли удельный князь Ипин внезапно почувствовал себя совершенно опустошенным. Он махнул рукой:

— Ладно, довольно с тобой спорить. Его Величество ждет во дворце, ступай получать высочайший указ и благодарить за милость.

Лицо Цзя Чжипо осталось бесстрастным, он кивнул, развернулся и зашагал прочь.

Он отчетливо понимал: тягаться с удельным князем Ипином сейчас ему не по силам. С другой стороны, кто в молодости не совершал ошибок?

Выйдя из Цзунжэньфу, Цзя Чжипо передал Цин'эру парадное фиолетово-золотое одеяние с вышитыми львами, высочайший указ о наследовании титула и печать генерала первого ранга, чтобы тот отвез всё это домой. Сам же он в своем наряде с цилиндром направился в сторону Императорского города.

Наконец-то предстояло увидеть императора.

Аудиенция у Сынебаба — было в этом что-то совершенно заурядное.

Когда Цзя Чжипо вошел во дворец, утренний совет только что завершился, и Император Лунчжэн разбирал доклады в Зале Цзычэнь во Дворце Дамин.

С нынешним положением Цзя Чжипо до того уровня было попросту не дотянуться. Император даже не показался ему на глаза — велел опуститься на колени у порога, пробить поклон головой, и на том всё закончилось.

Впрочем, Цзя Чжипо особо не размышлял над этим. Полноте, даже если бы он пришел в подходящий момент, попадись он императору в свободное время, при весе клана Цзя и его собственном чине отсутствие аудиенции было бы как раз в порядке вещей.

Он и понятия не имел, что едва он удалился и Император Лунчжэн завершил срочные государственные дела, отпустив министров из Великого секретариата, как в кабинет Зала Цзычэнь проскользнул неприметный евнух.

В глазах посторонних в евнухском кругу при правлении Лунчжэн самыми влиятельными считались трое: главный евнух Дворца Цзюхуа Лян Цзянь, прислуживавший Верховному Императору, старший евнух Му Цзэнь при императрице, а также ведавший повседневными делами Императора Лунчжэн главный евнух шести палат Ся Шоучжун и главный евнух Дворца Дамин Дай Цьюань.

И лишь немногие знали истинное положение дел.

В руках у Императора Лунчжэн находилась собственная разведывательная сеть, возвращенная им лично — Чжунчэфу. И возглавлявший Чжунчэфу Су Чэн был тем самым человеком, которому император доверял больше всех на свете.

Вот только Су Чэн вел себя до крайности незаметно, и знавших его людей можно было пересчитать по пальцам.

Как только Су Чэн переступил порог, на обычно холодном лице Императора Лунчжэн промелькнула редкая улыбка. По мнению императора, в этом евнухе, который рос вместе с ним и был всего на несколько лет старше, почти не было ничего такого, от чего следовало бы защищаться.

И именно благодаря Су Чэну Император Лунчжэн умудрялся удерживать тылы в бурных и кровопролитных придворных распрях.

— Ну что? Я не стал принимать его, и какова же была реакция этого сорванца Цзя Чжипо? Не затаил ли обиду?

Су Чэн припомнил выражение лица Цзя Чжипо в тот момент и с уверенностью кивнул:

— Ничуть. Генерал Цзя, казалось, заранее догадывался, что Его Величество не станет его принимать, на лице не было и тени удивления, выглядел совершенно спокойно. Напротив, он искренне и от всего сердца благодарил за милость Его Величества.

Услышав слова Су Чэна, Император Лунчжэн рассмеялся в голос.

— Сегодня ты на редкость добр, даже замолвил за кого-то словечко.

Император откинулся на спинку трона, постукивая пальцами по подлокотнику:

— Я слышал, этот Дунлайшунь, принадлежащий Цзя Чжипо, нынче самое популярное заведение в Шэньсине, серебро там рекой течет. Уж не отсыпал ли он тебе доли за услугу?

На месте другого евнуха — даже такого тертого калача, как Дай Цьюань или Ся Шоучжун, — тотчас бы от страха рухнул на пол и забил челом о плиты.

За те годы, что Император Лунчжэн находился на престоле, в делах прежней знати он старался лишний раз не усердствовать, да и во Дворце Цзюхуа оглядывался на ограничения. Однако во внутренних покоях — за исключением владений тех двух дворцов — любой евнух прекрасно знал: если уж этот господин гневался по-настоящему, то он действительно стирал людей в порошок.

Но Су Чэн почти не волновался.

Мало того, что он не взял от Цзя Чжипо ни единой медяшки — он даже в глаза его не видел. А даже если бы и взял, то отчетливо понимал: его собственный господин не стал бы раздувать из этого скандал.

Порой Су Чэну становилось даже обидно за Императора Лунчжэн.

В те времена, при правлении Цзиннин и в период Юнъань, жизни евнухов не стоили и ломаного гроша. За двадцать восемь лет правления Императора Шэнцзу евнухи во дворец сменялись целиком. Если кто-то из них неугоден был Старому Государю, тот, пользуясь смертью какой-нибудь высокопоставленной особы при дворе, издавал указ отправить людей вслед за усопшим. В самый жестокий раз, когда скончалась благородная супруга Нин, Шэнцзу велел закопать заживо всех восемьдесят восьми евнухов и шестьдесят пять служанок, что прислуживали ей.

Когда же наступила эпоха Юнъань, Верховный Император, вероятно, желая накопить благочестивую карму, отменил обычай погребения заживо.

Однако к евнухам он по-прежнему относился хуже, чем к скоту. На четвертый год Юнъань, когда во дворце вскрылось предательство евнуха-инспектора, по приказу Верховного Императора провели повальный обыск во всех шести палатах и с плеч долой полетело больше двух сотен голов.

А что же до их нынешнего Сынебаба?

Господин дорожил человеческими жизнями. За четыре с лишним года на троне — за исключением тех, кто совершил поистине чудовищные преступления, — он напрасно не казнил ни единого евнуха или служанку. В худшем случае за провинность били палками.

И тем не менее — Император Шэнцзу и Верховный Император стяжали добрую славу милосердных правителей, а Императора Лунчжэн, напротив, бранили за жестокость. Забавно, правда?

Су Чэн также знал, что самому государю на это наплевать с высокой колокольни.

В те годы, когда он еще жил в уделе, мало кто при дворе делал на него ставку. Напротив, вокруг удельного князя Ипина и удельного князя Ичжуна шум стоял невообразимый. Государь же пропускал всё мимо ушей, полностью погрузившись в государственные дела. Он обронил тогда лишь одну фразу: «Служить всей душой государству, не думая о себе; понимать меня или осуждать — рассудит лишь Чуньцю».

К счастью, глаза Верховного Императора не изменяли ему, и он выбрал для Великого Чжэня наилучшего правителя.

— Ты чего застыл?

Голос императора донесся откуда-то с нефритовых ступеней, и Су Чэн вздрогнул. Тьфу ты, опять мысли унеслись в сторону.

Он торопливо опустил на колени, испрашивая прощения.

Император Лунчжэн отличался снисходительностью к этому верному спутнику детских лет и лишь спросил:

— Ты редко бываешь рассеян в моем присутствии. О чем только что думал?

Су Чэн, разумеется, не мог вывалить вслух всё, о чем размышлял мгновение назад.

Он лишь опустил голову и произнес:

— Никак не возьму в толк, с чего это вдруг Вашему Величеству приглянулся этот малый из клана Цзя. Удача особняка Жунго давно растрочена прежним Жунго-гуном. Разве может этот Цзя Чжипо тягаться со старым гуном в былые годы?

Уголки ртов Императора Лунчжэн приподнялись:

— Кто знает? Погоди-ка, еще увидишь, я этого паренька обязательно заставлю послужить делу. Присмотри за ним попристажнее, если у него там будут какие-то движения — докладывай незамедлительно.

Су Чэн немного поразмыслил и спросил:

— Направляя его в Южное управление стражи, Ваше Величество желает, чтобы он помог тому самому господину Линю из Яньчжоу?

Император кивнул:

— Именно. Чиновник Линь ведет мои дела в Яньчжоу, да слишком многим перешел дорогу. Водичка там мутная донельзя, Чжунчэфу вмешиваться не с руки — чуть дернешься, и всё вскрыется.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— А тут как раз вовремя: пусть Цзя Чжипо сунется туда и наведет порядок. Чиновник Линь — его дядя по женской линии, а родная дочь прежнего Жунго-гуна выдана замуж в Яньчжоу. При таком родстве Цзя Чжипо не станет уклоняться от работы.

Убедившись, что у императора больше нет указаний, Су Чэн кивнул и отступил назад. Он прекрасно понимал: теперь ему предстоит разыграть в Цзяннане целое представление, дабы Южное управление стражи получило повод отправить людей на юг.

В то же самое время в Яньчжоу, в ведомстве соляного надзирателя.

Линь Рухай сидел за письменным столом, его лицо исхудало так, что выделялись одни кости, а в глазах полыхало не утихающее пламя.

Он выполнял поручения императора, занимался делами, которые не положено выносить на свет — он прекрасно это осознавал. Но он верил, что у него остаются границы дозволенного, он знал, что делать можно, а к чему прикасаться смертельно опасно.

Однако те люди — они просто потеряли человеческий облик.

Отбросив последние рамки приличий, они ударили напрямую по внутренним покоям ведомства соляного надзирателя. Там оставалась его жена, там находился его годовалый сын. И те люди не пощадили даже женщин с детьми.

Если бы не несколько мастеров боевых искусств, оставленных в свое время покойным тестером для охраны, ребенка, пожалуй, уже не было бы в живых.

Линь Рухай сжал зубы так, что костяшки пальцев побелели.

Терпеть? И сколько же еще терпеть?

Выйдя из дворца, Цзя Чжипо поднял голову и прищурился на солнце.

Времени было еще предостаточно, и если отправиться в Управление Цзиньши прямо сейчас, он вполне успевал.

Но он не пошел туда.

Он свернул в сторону и направился в переулок Цзиньсин — там проживал Чэнь Мэнлэй.

За последнее время, пока клан Цзя давил на него со всех сторон — и изнутри, и снаружи, — ему удавалось удерживать шаткое равновесие и не пускать всё на самотек во многом благодаря закулисной поддержке Чэнь Мэнлэя.

Чего греха таить: не подай Чэнь Мэнлэй тайных вестей о нем Императору Лончжэну, государю и в голову бы не пришло вспомнить о нем и дать назначение.

А без должности в Управлении Цзиньши он, Цзя Чжипо, даже с титулом генерала первого ранга оставался бы всего лишь никчемным аристократом, прожигающим жизнь в бездельи.

Великий Чжэн стоял на пороге своего первого столетия, мирные дни длились слишком долго, и мест, где военная аристократия могла бы приложить силы, почти не осталось.

Воинских должностей изначально было меньше, чем гражданских, да к тому же значительную их часть приходилось отдавать новым выдвиженцам из низов, не принадлежавшим к знати.

Не ставить же в самом деле графов и маркизов командовать отрядами из десятка солдат?

Даже если бы Военный совет осмелился на такое распределение, аристократия подняла бы бунт.

А остатки свободных мест среди накопленных за столетие военных заслуг были столь ничтожны, что ими даже зубов не заешь.

Потому-то выбиться в люди мог лишь тот, кто умел привлечь к себе внимание Сынебаба и Военного совета.

Лишь сегодня Цзя Чжипо до конца осознал, что значит иметь за спиной надежную опору из старших.

Цин'эр подхватил поводья, а Цзя Чжипо легко соскользнул на землю, отряхивая полы одеяния.

— Найди местечко передохнуть, нечего торчать у ворот дома деда. В особняке Жунго вечно стоит гам, а здесь должна быть тишина.

Цин'эр втянул голову в плечи:

— Будьте спокойны, вторая господская светлость, я всё понял.

Порог в резиденции Чэнь был невысок, и едва Цзя Чжипо перешагнул его, как нос к носу столкнулся с Чэнь Юэнем, направлявшимся наружу.

— Третий дядя! Племянник приветствует вас.

Цзя Чжипо с беззаботной улыбкой сложил руки в почтительном жесте.

Чэнь Юэнь шуточно качнул ногой, имитируя пинок, и со смешком выругался:

— Хватит со мной этих церемоний. Генерал первого ранга, тысячник Управления Цзинь, и явился сюда с поклонами? Старейшина ждет тебя внутри.

С этими словами Чэнь Юэнь широким шагом покинул усадьбу.

В Зале Шоуцзин Чэнь Мэнлэй и госпожа Чэнь сидели за чашкой чаю, тихо беседуя. Цзя Чжипо переступил порог и, низко склонившись, произнес:

— Внук Цзя Чжипо приветствует дедушку.

Госпожа Чэнь резко подняла голову, и на ее лице еще не успела исчезнуть улыбка, как Чэнь Мэнлэй опередил ее:

— Ну что, гляди-ка, я же говорил, что сегодня он непременно заявится.

Услышав это, Цзя Чжипо всё сразу понял.

<http://bllate.org/book/19342/1891429>